

Universiteit
Leiden

The Netherlands

**Лев Толстой и голландский отказчик совести
(Lev Tolstoy and the Dutch conscientious
objector)**

Boele, O.F.

Citation

Boele, O. F. (2023). Лев Толстой и голландский отказчик совести (Lev Tolstoy and the Dutch conscientious objector). *Fifth Wave/ Пятая Волна*, I(3), 163-180.

Version: Publisher's Version

License: [Licensed under Article 25fa Copyright Act/Law \(Amendment Taverne\)](#)

Downloaded from:

Note: To cite this publication please use the final published version (if applicable).

Отто Буле

Лев Толстой и голландский отказчик совести

1.

“Толстой и голландская интеллигенция?! А что, есть такая?” — никогда не забуду, как взглянула на меня сотрудница отдела рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве, когда я оставил заявку в журнале посетителей. Эта ее реакция не столько задела мое чувство национального достоинства, сколько создала у меня ощущение собственной никчемности: я со своим мелкотемьем отвлекал высококвалифицированного специалиста от важной работы. С кислой миной на лице и, очевидно, в полной уверенности, что нужных мне писем к Толстому от каких-то голландцев она не найдет, сотрудница отправилась в архив. Не прошло, однако, и пяти минут, как она вернулась с тремя аккуратными папками, содержащими нужные мне материалы. К папкам прилагался список из восьмидесяти с лишним голландских корреспондентов Толстого, чьи письма хранились в архиве. Я готов был воскликнуть: “Вот видите!”, но подумал, что промолчать будет, пожалуй, интеллигентнее.

Тогда, в марте 2009 года, я отправился в музей Толстого не совсем наугад — у меня уже имелся некоторый опыт работы в архиве, и его богатства мне были известны. Особенно там есть с чем поработать историкам, интересующимся письмами “простых” читателей. В моем случае главным поводом для разысканий послужило предисловие к диссертации полувековой давности Рудольфа Янса о восприятии духовного наследия Толстого в Нидерландах. В этом

предисловии автор извиняется за то, что несмотря на все свои усилия и даже на ходатайство нидерландского посольства в Москве доступа к советским архивам он так и не получил. Стоит ли удивляться? — диссертацию Янс защищал в 1952 году.

Вероятно, как гражданину “недружественной” страны мне бы сейчас не разрешили работать в архиве, но тогда, в конце “нулевых”, препятствий не было, и я успел сделать и нужные выписки, и даже в обход правил получить копии писем — их милостиво предоставила мне заведующая читальным залом. Собранные материалы позволили в значительной степени дорисовать картину, написанную Янсом, поскольку он сосредоточился на образованном слое голландских толстовцев, обойдя вниманием слои низшие, а они, как мы увидим на примере Йона (Джона) Ван дер Вера (1869–1928), первого отказчика от военной службы по убеждениям совести в истории Голландии, тоже оказались чувствительны к идеям Толстого, особенно когда стали участвовать в рабочем движении. Ван дер Вер даже полагал, что простые люди более способны постичь элементарные жизненные истины, чем всякие *gelehrte Leuten* (т. е. люди с университетскими дипломами). Об этом он гордо заявил в письме к Толстому от 11 декабря 1898 года, очевидно, имея виду и себя.

На первый взгляд, решение ограничиться голландскими толстовцами может показаться неоправданным, учитывая международный характер движения. Как показала Шарлот Элстон в своей замечательной книге *Tolstoy and his Disciples* (2014), самые видные толстовцы в Европе, да и на других континентах, постоянно переписывались и много путешествовали — налаживали контакты, развивали издательскую деятельность, сообщали самому Льву Николаевичу об успехах и неудачах движения за пределами России. Даже те, кто сомневались в правильности учения Толстого, на некоторое время чувствовали себя вполне своими, оказываясь в среде толстовцев. Когда в 1900 году, после чтения “Царства Божьего внутри вас”, Андрис Энгеленберг, чиновник из Голландской Ост-Индии, разуверившийся в колониальном управлении, решил посетить Толстого в Москве, он предварил свой визит поездкой по нескольким главным центрам международного толстовства. В Женеве Энгеленберг познакомился с близким другом Толстого и его первым биографом Павлом Бирюковым;

несколько недель спустя, в Нидерландах, он же присутствовал на торжественном открытии общины “Международное братство” в городе Бларикюм в Северной Голландии. Путь Энгеленберга в Москву наглядно иллюстрирует как широка была международная сеть единомышленников и как легко было проникнуть в нее даже непосвященному.

И все же несколько одностороннее внимание к голландской теме в настоящей статье вполне обосновано. На самом исходе XIX века контакт между Толстым, его помощниками (Владимиром Чертковым, Павлом Бирюковым, Альбертом Шкарваном) и голландскими толстовцами был особенно интенсивным. Это явствует как из оживленной переписки, так и из ряда начинаний, появившихся на голландской почве — от учреждения в 1897 году журнала христианских анархистов “Вреде” (от голландского *vrede* — мир) до создания общины “Международное братство” (1900). Толстой пытался читать “Вреде” с помощью словаря и внимательно следил за жизнью общины, черпая информацию о ней из того же “Вреде” и писем своих голландских сторонников. Но при всем этом главным импульсом к сближению Толстого с голландской интеллигенцией безусловно послужило дело Ван дер Вера, который сам к интеллигенции не принадлежал.

Письма Ван дер Вера к Толстому замечательны тем, что автор постепенно конструирует в них свою “толстовскую” идентичность. Если дневник и автобиография традиционно рассматриваются как наиболее подходящие жанры для создания жизнеописаний, то письма позволяют человеку “построить себя” через диалог с другими. Страстные, сумбурные письма Ван дер Вера можно читать как автоповествование, созданное в диалоге с Толстым и под влиянием таких его поздних сочинений, как “Исповедь”, “Царство Божие внутри вас” и “В чем моя вера?” Особый интерес в этом отношении представляет освоение Ван дер Вером толстовской разоблачительной риторики и подозрительного отношения к наукам и к учености, которые, по мнению Толстого, только препятствуют познанию истины. Риторика эта имеет у Ван дер Вера несколько иную окраску, чем у Толстого, что неудивительно, принимая во внимание огромную разницу их культурного и социального происхождения. Если Толстой изобличал тщеславие и самовозвеличивание людей привилегированных классов, повторяя

вслед за Христом, что младенцам открывается то, что скрыто от мудрых и разумных, то позиция Ван дер Вера носила более непримиримый характер, переключаясь с марксистскими представлениями о классовой борьбе.

2.

Нередко высказывалась мысль, что решение Ван дер Вера уклониться от призыва на военную службу в 1896 году было непосредственно вдохновлено религиозными произведениями Толстого, в частности трактатом “Царство Божие внутри вас”. Хотя это сочинение и произвело на Ван дер Вера глубокое впечатление, его отвлечение к армии было изначально основано на социалистических убеждениях и религиозного характера не носило. Более того, Ван дер Вер, не слишком хорошо разбирающийся в “высокой” литературе, не читал ни одного произведения Толстого и, по-видимому, имел лишь смутное представление о его репутации вплоть до своего тюремного заключения в августе 1896 года. Сын простого рассыльного, пьющего и буйного человека, Ван дер Вер не получил образования. Некоторое время он работал наборщиком в типографии, затем увлекся политикой и стал участником многочисленных демонстраций и забастовок, как в Нидерландах, так и в Бельгии (из которой был даже выдворен за революционную агитацию). Рассмотрим его дерзкое письмо Герману Снайдерсу, командиру Национальной гвардии, в которую он был призван, и попробуем вникнуть в его аргументы против службы в армии. Это позволит увидеть, как изменилось мировоззрение Ван дер Вера всего за несколько месяцев, и какую роль здесь сыграли идеи Толстого.

Ван дер Вер начал свое письмо командиру с цитирования библейской заповеди “Не убий”. Сухо и деловито известив Снайдерса о своем решении, он указывает затем на всю иронию того, что он, неверующий, отказавшийся братья за оружие, понимает смысл шестой заповеди лучше, чем большинство так называемых христиан, приемлющих организованное насилие. Предвидя возможное возражение, что роль армии состоит не столько в том, чтобы убивать людей, сколько в том, чтобы защищать существующий

порядок, Ван дер Вер изложил все последствия такой позиции, которая, по его мнению, коренится в желании высшего класса сохранить социальное неравенство и помешать стремлению рабочих к политической эмансипации: “К чему, господин командир, пускать друг другу пыль в глаза? Ведь оба мы отлично знаем, что означает поддержание этого порядка: охрану богачей от нищих тружеников, начинающих сознавать свои права”. Беря более философский тон, Ван дер Вер добавляет, что в шестой заповеди нет ничего исключительно христианского и вообще религиозного; по его мнению, “не убий” — моральный императив, “присущий человеческой природе и разуму”. Совесть ему не позволяет убивать, “в особенности по команде”, и этим вопрос о службе в национальной гвардии для него исчерпывается.

Письмо Ван дер Вера командиру Снайдерсу показывает, что его возражения против насилия были лишены религиозного измерения. Для голландских властей именно эта часть письма подорвала легитимность утверждения Ван дер Вера о том, что он руководствуется соображениями совести. С момента введения всеобщей воинской повинности в 1810 году в Нидерландах было несколько случаев освобождения от военной службы, но лишь по религиозным убеждениям; поскольку Ван дер Вер прямо заявил, что он не христианин, то исключения для него сделано не было, и спустя короткое время он оказался в тюрьме и ждал суда.

Дело Ван дер Вера привлекло внимание свободомыслящей общественности и вызвало полемику национального масштаба. Поставил ли Ван дер Вер под угрозу безопасность страны своим отказом? Насколько правомерно его заявление о том, что совесть не позволяет ему взяться за оружие, учитывая, что он атеист? Последний вопрос особенно занимал умы небольшой группы интеллектуалов, которые в отличие от Ван дер Вера были знакомы с идеями Толстого. Одним из них, Фредерик Ван Дюль, амстердамский журналист, переписывался с Толстым и часто выступал на тему непротивления злу насилием. Именно Ван Дюль снабдил Ван дер Вера в тюрьме экземпляром книги “Царство Божие внутри вас”, именно он перевел на французский язык письмо-отказ Ван дер Вера, чтобы довести его до сведения Толстого.

На протест Ван дер Вера (с сопроводительным письмом Ван Дюля) Толстой отреагировал восторженно. Он попросил у

Ван дер Вера разрешения на дальнейшее распространение его антивоенного заявления, перевел его на русский и полностью процитировал в своей статье “Приближение конца”. Статья была опубликована сначала на французском, английском и немецком языках в октябре 1896 года и лишь в 1897 году — на русском, это сделал Владимир Чертков в Лондоне. В том же году вышел голландский перевод.

Несмотря на свое восхищение Ван дер Вером и другими отказчиками от военной службы по соображениям совести, число которых, по его мнению, росло, в “Приближении конца” Толстой отказался верить, что Ван дер Вер не христианин. Смелое решение голландца не служить в армии было чисто христианским, настаивал Толстой, ибо совесть оказалась для него важнее приказа военачальника, и, поступив по совести, Ван дер Вер доказал, что он христиан, независимо от того, во что сам верит или не верит. В своем первом личном письме к Ван дер Веру, написанном по-французски, Толстой развивает эту мысль.

Вы говорите <...>, что вы не христианин, но невозможно, чтобы вы им не являлись (“vous ne pouvez pas ne pas l’être”), потому что ваше действие не могло иметь другого источника, кроме христианского духа, весь смысл которого состоит в преследовании не личных интересов, а истины и общего блага, [и] в стремлении к установлению воли Бога и Его Царства на земле.

Ответ Ван дер Вера (его первое письмо к Толстому) не сохранился, но, судя по реакции Толстого (т. е. по второму его письму, написанному на немецком), голландец, должно быть, настаивал на нерелигиозном характере своих действий, утверждая что ни в какого Бога он не верит и не может Ему поклоняться, ибо, если Бог существует, то должен быть злым. Толстой сразу отверг такое представление о Боге как суеверное, но одновременно и смягчил собственную позицию. В заключение Толстой просто сказал, что мудрый и добрый человек не может жить без идеи бесконечной мудрости и любви. Очевидно, склонить Ван дер Вера на сторону общего дела было важнее, чем убедить его в настоящем происхождении его убеждений.

Эти два письма Толстого показывают, что он был уверен в сходстве пацифистских убеждений Ван дер Вера и своих собственных.

Толстой писал, что разделяет мировоззрение голландца и его понимание морального долга человека, и заявил, что “подписывается обеими руками” под антимилитаристской речью, произнесенной Ван дер Вером на социалистическом конгрессе в Амстердаме (и переданной Толстому Ван Дюлем): “Я считаю себя счастливым, что у меня есть такой сочувствующий (Gesinnungsgenosse), как вы”.

Нам сложнее оценить собственную позицию Ван дер Вера. Как мы видели, его первый ответ Толстому не сохранился, а второе письмо, написанное 20 декабря 1896 года, когда он был условно-досрочно освобожден, просто повторяет слова о том, что он “никогда не мог бы взять в руки ружье”. Тем не менее, кажется очевидным, что Ван дер Вер не считал себя христианином, прямо указав на это командиру Снайдерсу и заявив Толстому, что он не может принять злого Бога. Несмотря на всю симпатию, которую он вызывал у Толстого, сам Ван дер Вер еще не был убежден в том, что они преследуют одну и ту же цель.

3.

Нежелание Ван дер Вера считать себя христианином длилось, однако, недолго. Прочитав в тюрьме “Царство Божие внутри вас” и получив моральную поддержку, среди прочих, от Ван Дюля, пастора Луи Бейлера и Феликса Орта (председателя Нидерландской вегетарианской лиги), он вскоре признал не только сходство между идеями Толстого и его собственными, но также и ценность христианских идей. 13 марта 1897 года он с увлечением писал Толстому, как сильно был поражен его письмом, содержащим “те самые мысли, которые я высказал на социалистическом конгрессе несколько месяцев тому назад” (имеется в виду легендарный конгресс в Гааге, в котором участвовали все голландские толстовцы). Ван дер Вер был также рад узнать, что, как и он сам, Толстой — трезвенник и вегетарианец. С гордостью он сообщил, что написал короткое предисловие к голландскому переводу “Царства Божьего внутри вас”, и объявил, что намерен переводить Толстого с немецкого, что и начал делать. В следующие два года Ван дер Вер явил себя весьма плодовитым последователем Толстого — перевел и

распространил ряд его пацифистских трактатов, а также стал главным редактором выходящего раз в две недели журнала “Вреде”. Так самоучка из глубокой провинции (северная Фрисландия), из иностранных языков владеющий только немецким (благодаря немке-жене), вскоре сделался виднейшей фигурой голландского толстовства.

Полное обращение в толстовство началось весной 1897 года. В своем первом пространном, на восьми страницах, письме к Толстому от 20 декабря 1896 года Ван дер Вер еще не упоминает о Христе, но уже склонен рассматривать свой отказ от военной службы как проявление более общего сознательного отношения к жизни. На ломаном немецком языке он пишет следующее (здесь и далее сохранена орфография автора).

[...] die Waffe aufnehmen, konnte ich nicht, wen ich es auch wollte. Für mich besteht jetzt der Werth von Leben darin, zu handeln nach mein gut Gefühl. Ich liebe de Wahrheit und will ins Leben die Wahrheit volgen. Der Tod wäre mich lieber, dan dort von ab zu weichen. Ich verabscheue Mord, Gewalt und Todtschlag. Wie sollte ich daran können teilnehmen? Es kann nicht sein! Ich woll aus [auf?] mich selbst kein morele Mord pflegen und noch weniger meine mitmenschen Todten, den ich lieben muss und woll...

Я никогда не смог бы взять в руки оружие, даже если бы захотел. Для меня ценность жизни заключается в том, чтобы действовать в согласии со своими добрыми чувствами. Я люблю правду и в жизни хочу следовать истине. Я скорее умру, чем отклонюсь [от этого правила]. Я ненавижу убийства, насилие и непредумышленные убийства. Как я мог быть в этом замешан? Это невозможно! Я не хочу убивать себя морально, и еще меньше я хочу убивать своих собратьев, которых я должен и хочу любить...

Дальнейшие свидетельства растущей симпатии Ван дер Вера к идеям Толстого можно найти в длинном письме к Толстому от словацкого врача и тоже отказчика совести Альберта Шкарвана, который встретился с Ван дер Вером в Гааге в августе 1897 года. Прочитав Ван дер Вера, сообщившего, что Толстой расширил его кругозор и укрепил в убеждениях, Шкарван заключил: “Для Ван дер Вера отказ от военной службы и чтение им «Царства

Божьего внутри вас», знаменуют момент внутренней трансформации, перехода к новому пониманию жизни”.

Сам Ван дер Вер в своем следующем письме к Толстому, написанном осенью 1897 года, пошел еще дальше. Если до сих пор он только “узнал” свои собственные идеи у Толстого, то теперь был готов признать, что столкнулся с *новыми* мыслями, в частности с идеей пассивного сопротивления. Ван дер Вер все еще не называл себя христианином, но был готов признать Иисуса своего рода медиумом, “как Сократ, Будда и великие люди нашего времени, через которых выражает себя великий вечный дух”.

Упоминание в одном ряду Сократа, Будды и Иисуса, конечно, неслучайно. Оно свидетельствует о знакомстве Ван дер Вера с “Исповедью” Толстого (в которой эти имена встречаются вместе) — первый признак того, что Ван дер Вер начал усваивать “толстовский” дискурс, заимствуя стандартные фразы и риторические приемы, создающие впечатление неустанного поиска истины. То, что Ван дер Вер был заражен толстовским “этосом правды” (термин, предложенный Петром Ульфом Мёллером в его известной книге о “Крейцеровой Сонате”), не делает его случай уникальным, но интересно наблюдать, как это влияет на стиль письма. Скоро мы увидим, что в разгар своей одержимости христианским анархизмом Ван дер Вер даже стал объяснять идеи Толстого самому Толстому.

К февралю 1898 года Ван дер Вер уже не стеснялся призывать Христа для защиты своих мнений. Поразительно, в какой степени его новое мировоззрение формировалось толстовской экзегезой Евангелия. Как известно, Толстой дал весьма радикальное толкование заповеди “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”, в которой, по его мнению, заключалась квинтэссенция учения Христа. Толстой был убежден, что в этих словах Христа выражен не просто идеал, по сути недостижимый, но что под “ближним” следует понимать каждого, любого человека, а потому любить надо всех, включая своих врагов. В письме к Толстому от 6 февраля 1898 года, Ван дер Вер рассказал, что у него завязался спор с женщиной, утверждавшей, что она не разделяет столь радикальное толкование Евангелия и не способна любить незнакомцев. В ответ на это Ван дер Вер не только яростно защищал своего учителя, но и

использовал те же аргументы, что и Толстой в своем трактате “В чем моя вера?”.

Ich begrijfe dass man das sagt aber vor mir is der Christelijke Lehre so klar: man muss ins Lieben keine Unterscheid machen zwischen “eigene” und “fremde” Leute. Es gibt vor Christenen keine solche: “Eigene” und “Fremde” leute. Alle sind eigene, und keine ist uns fremd. Es ist nicht Christeluk, der eigene Frau mehr wie andere leuten zu lieben — in höhere Sinne des Wortes.

Я понимаю, что люди так говорят [т. е. что невозможно любить всех], но для меня христианское учение ясно: в любви не следует различать “своих” и “чужих”. Для христиан не существует таких людей: “свой” и “чужой”. Все свои и никто не является “чужим”. Не по-христиански любить — в высоком смысле этого слова — свою жену больше, чем других людей (курсив Ван дер Вера).

Визит Павла Бирюкова в Нидерланды весной 1898 года представил Ван дер Веру окончательное доказательство того, что всеобъемлющая любовь — не химера, а вполне достижимая цель. Бирюкова сопровождали две женщины, раздавшие свое немалое состояние и усыновившие трех беспризорников. Ван дер Вер с восторгом писал во “Вреде”: “Эти женщины убеждены, что христианская любовь не может исключать людей, а должна на них сиять с одинаковой теплотой. Перед Богом все люди одинаково любимы, нет чужих и своих, нет своего семейного круга, но мы все родители всем детям, самые несчастные не исключены, мы часть единого целого”.

Несколько дней спустя Ван дер Вер отправился в Англию, чтобы навестить Альберта Шкарвана в толстовской общине в деревушке Перли (графство Эссекс). Здесь он снова столкнулся с тем же духом бесконечной и, выражаясь современным языком, по-настоящему инклюзивной любви, которая, как он считал, способна объединить всех людей: “Должен признаться: редко я видел такую христианскую, такую идеальную и такую религиозную жизнь и сосуществование, как здесь, среди этих людей”. Созерцание этой жизни наряду с угрозой тюремного заключения на родине заставили Ван дер Вера в том же году переехать жить в Перли.

4.

В статье, написанной к столетию смерти Толстого, американский историк Гэри Гамбург указывает по крайней мере две причины массового влечения к христианскому анархизму. Во-первых, христианский анархизм был средством освобождения от лжи, способом немедленного “пробуждения” от невежества, и, во-вторых, он позволял людям видеть себя “орудием Божьей воли в истории, способным разрушить могущественные институты ненасильственными средствами”. Последнее как нельзя лучше соответствовало устремлениям Ван дер Вера. К 1898 году он видел себя уже не просто отказчиком совести в узком смысле слова, а человеком с миссией, учеником, призванным проповедовать христианские принципы милосердия и непротивление злу насилием. Свои идеи он выражал, переводя и публикуя материалы о духоворах и русских отказчиках совести, в частности о Петре Ольховике и замученном до смерти в 1894 году Евдокиме Дрожжине. В предисловии к голландскому изданию писем Ольховика Ван дер Вер утверждал, что даже “самая грубая сила в конце концов окажется бессильной перед ненасильственным сопротивлением” и что “все рукотворные законы должны подчиняться человеческой совести”. В письмах к Толстому мысль о его священной миссии выражена с еще большим пылом. Ван дер Вер настаивает на том, что распространять христианское учение для него уже стало духовной потребностью.

Ich gehe durch dem Lande zu predicken die Christliche Wahrheit. Es ist mich ein Bedürfnisse, eine moralische Bedürfnisse geworden. Ich muss und will es aussprechen <...> dass wir alle Unglücklich sind, ob wir Reich oder Arm sind, weil wir, an statt einander wie Brüder zu lieben, einander Hassen; dass nichts uns es wahrhaftige Lebensglück geben kan, noch die Bestudierung der Wissenschaften, noch die Philantropie, noch das luxurieuse Leben, dann es dienen von eenander in Geiste der Liebe, und darf man, um das zu verstehen, nicht Latynisch, Griechisch oder Sanskriet bestudeeren braucht, aber blos das ohr gewillig hatt zu lehnen zu dasjenige, was der Vernünft und das Gewissen sagt!

Я путешествую по стране, чтобы проповедовать христианскую истину. Я чувствую необходимость, моральную необходимость де-

лать это. Я должен и хочу сказать, что мы <...> все несчастны, богаты ли мы или бедны, потому что вместо того, чтобы любить друг друга, как братья, мы друг друга ненавидим. Истинное счастье в жизни мы можем найти, не изучая наук, не занимаясь благотворительностью и не ведя роскошную жизнь, а лишь служа друг другу в духе любви. Чтобы это понять, не обязательно знать латынь, греческий или санскрит — надо только прислушаться к тому, что говорят твой разум и совесть! (Ван дер Вер — Толстому, 12.8.1898.)

Итак, Ван дер Вер считал себя “орудием воли Бога”, убежденным, что его деятельность будет способствовать преобразению современного общества в Царство Божие на земле. Однако замечание Гэри Гамбурга про “освобождение от лжи”, не говоря уже о “пробуждении от невежества”, к Ван дер Веру едва ли относится. Хотя его письма и статьи этого периода явно перекликаются с толстовским “этосом правды”, надо сказать, что в отличие от большинства толстовцев и самого Толстого, Ван дер Вер никогда не погрязал во “лжи” просто потому, что у него не было для этого средств. Окруженный пасторами и интеллектуалами, мучимыми угрызениями совести и стремившимися последовать примеру Толстого и оставить позади свою обеспеченную жизнь, Ван дер Вер, вероятно, хорошо понимал, что, будучи выходцем из бедной семьи и не получив надлежащего образования, он был в этой новой для себя среде белой вороной. Само по себе это не было отягощающим фактором, учитывая неприятие Толстым элитарного искусства и его недоверие к учености. В своих художественных произведениях Толстой часто противопоставляет эгоцентричных членов высшего общества, которых мучит вопрос “зачем я живу?”, скромным представителям народа, нашедшим ответ на более актуальный вопрос: “как мне жить?” (Пашенька из “Отца Сергия”, Авдеев из “Хаджи-Мурата” и многие другие). В религиозных трактатах Толстой неоднократно противопоставляет ложное знание добродетельному неведению и ссылается на Евангелие: “Слаблю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам” (Мф 11:25). Короче говоря, идею личного избавления от лжи цивилизации, Ван дер Вер, похоже, не относил к себе. Социальная и культурная ущербность Ван дер Вера отличала его от большинства толстовцев, и есть основания думать, что он этим даже гордился.

Читая статьи Ван дер Вера и его длинные письма к Толстому, поражаешься, до какой степени ему удалось перенять толстовский скептицизм по отношению к науке, образованию и церкви. Порой даже кажется, что Ван дер Вер читает лекции Толстому, используя толстовскую риторику. Несмотря на их бессвязность, сочинения Ван дер Вера выдают то же стремление “срывать маски”, которое мы находим у Толстого. Например, когда он нападает на церковь за то, что она защищает и даже подстрекает к насилию, его аргумент построен так, чтобы разоблачить “официальную” правду как пародию на более глубокую истину: “Весь ученый и неученый мир, который проповедует и считает, что христианину позволено служить на военной и государственной службе, заблуждается и, более того, ЗАБЛУЖДАЕТСЯ УЖАСНО”. (Прописные буквы Ван дер Вера.)

Пользуясь теми же приемами разоблачения, что и Толстой, Ван дер Вер, однако, занимает иную позицию по отношению к истеблишменту, и здесь его социальное происхождение выходит на первый план. Если Толстой относился к интеллектуальной деятельности с недоверием, считая, что простая истина Христа доступна каждому независимо от уровня образования, то Ван дер Вер пошел гораздо дальше. Он настаивал на том, что величайшими умами в истории человечества были не ученые, а “простые души”.

Es ist mir deutlich, dass die wenige Leuten die vor ons Fuhrere sein konnten: Laoty, Jesus, Buddha u.a. keine “gelehrte” Leuten wahren in gewonlichen Sinne wie unsere professoren, Drs. und Mr. Ich glaube, dass die Weisheit die zum Leben nutzlich ist, und besser verstanden durch einfache Seelen mit reinen Vernunft, dann durch “gestudeerde” Leuten.

Для меня очевидно, что те немногие, кто могут вести нас — Лао Цзы, Иисус, Будда и другие, — не были “учеными” людьми в обычном смысле слова, как наши профессора, люди с научной степенью и юристы. Я думаю, что мудрость, полезная в жизни, лучше понятна простым душам с чистыми умами, чем людям с высшим образованием. (Ван дер Вер — Толстому 11.12.1898.)

В своем предисловии к письмам Петра Ольховика, Ван дер Вер сделал аналогичное заявление. Принимая уже открыто антиинтеллектуальную позицию, он указывал на особую роль обездоленных

в передаче новых истин и мудрости остальному человечеству: “Замечательно то, что важные идеи всегда сначала открывались людям простым, необразованным”. Напротив, богословами и “учеными христианами” становились те, кто наименее подготовлен к пониманию истины о Христе.

Самые простые истины, которые скорее ощущаются, чем понимаются разумом, находятся за их пределами. Эти истины предназначены для простых людей — тех, кто читает и учится из Книги Жизни, а не из толкований Священного Писания. Я никогда не понимал, почему люди, желающие проповедовать Евангелие Иисуса своим братьям, должны годами изучать древние языки, чтобы донести до остальных то, что необходимо и полезно в жизни. <...> Мне кажется, что Толстой совершенно прав, утверждая, что все эти объяснения и толкования, предлагаемые церковью и духовенством, сделали христианское учение скорее менее, чем более понятным.

На деле Ван дер Вер с его антиинтеллектуальной позицией отказался от просветительских амбиций, которые имел раньше, когда вращался среди социалистических активистов и нерелигиозных анархистов. До своего знакомства с христианским анархизмом он пытался восполнить пробелы в своем образовании, читая художественную и научно-популярную литературу, и продолжал это делать до конца своей жизни. Но когда он столкнулся с глубоким недоверием Толстого к науке и филологии, то у него, кажется, возникло искушение рассматривать собственную интеллектуальную незрелость как свидетельство христианской добродетели. По сравнению с такими эрудированными людьми, как Орт и Бейлер, Ван дер Вер был действительно “нищим духом”, но именно это делало его в собственных глазах более восприимчивым к глубокой истине об Иисусе Христе.

5.

Как Толстой воспринимал духовную трансформацию Ван дер Вера и его “моральную потребность” проповедовать христианскую истину? Ответа на этот вопрос у нас нет. Вскоре после

того, как Толстой отправил Ван дер Веру два ободряющих письма, переписка превратилась в бесконечный монолог голландца, в котором он педантично излагал свои мысли, ища моральной поддержки и одобрения Толстого. Это не значит, что Толстой не следил за Ван дер Вером и совсем потерял к нему интерес. Он получал сведения о нем и от Шкарвана, и от Черткова, и от ряда других своих последователей в Нидерландах, но, насколько мы знаем, писем Толстого, написанных Ван дер Веру после 1897 года нет, или они не сохранились.

Что бы ни заставило Толстого перестать писать Ван дер Веру, переписка их все равно не продлилась бы долго, поскольку Ван дер Вер вскоре разочаровался в учении Толстого. В декабре 1898 года, чтобы избежать повторного тюремного заключения в Нидерландах, где его дело все еще рассматривалось, он бежал в Англию и поселился в толстовской общине Перли. Первое его письмо Толстому из Англии все еще исполнено веры в осуществимость идеалов движения. Ван дер Вер с гордостью сообщает, что трое голландских пасторов наконец оставили свои посты и полны решимости основать такую же общину, как в Перли (это уже упомянутое “Международное братство”). Об энтузиазме Ван дер Вера можно судить по длине его письма: не менее четырнадцати страниц заполнены всяческими подробностями об общинной жизни в Перли, о толстовском движении в Нидерландах и журнале “Вреде” (в котором Ван дер Вер все еще сотрудничал), а также пространными размышлениями о том, как большинство людей движется во тьму, будучи убежденными в обратном. Ближе к концу своего письма Ван дер Вер упоминает об инциденте, свидетелем которого он стал, когда два русских члена общины серьезно поссорились. Он признается, что был потрясен их взаимной агрессией и приходит к выводу, что любых споров и ссор следует избегать (“...ich konnte kein andres schluss kommen als dass es nicht Gut ist zu streiten”; Ван дер Вер — Толстому, 16.3.1899).

Эта ссора двух русских в сообществе, построенном на принципах братской христианской любви и милосердия, оказалась предвестником серьезных идеологических разногласий и практических трудностей, из-за которых община в Перли скоро начала распадаться. В следующем году ситуация только ухудшилась, ввергнув Ван дер Вера в духовный кризис.

In the last time, me spiritual life is not at all in the best spirit. Sometime, I feel me spiritual dead nearly, I cannot think and feel in the right way. <...> I cannot tell you the reason for it, but please take it as a fact simple. Certain am I the more to blame for it, but what is to do, when ones feel that love does not come so strong as before, but rather is gone from them? I pray often that my suffering should end and that I could help other people, which I love, with a good spirit.

В последнее время моя духовная жизнь складывается совсем не в лучшем духе. Иногда я чувствую себя почти духовно мертвым, я не могу думать и чувствовать правильно. <...> Я не могу сказать вам причину этого, но, пожалуйста, примите это как простой факт. Конечно, я тем более виноват в этом, но что делать, когда люди чувствуют, что любовь не приходит так сильно, как прежде, а уходит от них? Я часто молюсь, чтобы мои страдания закончились и чтобы я мог помочь другим людям, которых я люблю, с добрым духом. (Ван дер Вер — Толстому, сентябрь 1899.)

Разочарование Ван дер Вера было двояким. Став членом общины, он с нетерпением ждал возможности поработать с Владимиром Чертковым; теперь он обнаружил, что в нем видели лишь наборщика, а не мыслителя. Кроме того, он все больше сомневался в практической применимости идей Толстого. Добровольно принятая на себя членами общины бедность показалась ему бесполезной, поскольку лишь усиливала взаимную нетерпимость: “Моральные ее стороны могут быть хороши, но жестокая борьба с материальными трудностями постоянно выходит на первый план, и это мне не нравится. Здесь так мало терпимости, что, кажется, люди охотно убили бы друг друга, как в 1789 году” (Ван дер Вер — Толстому, сентябрь 1899).

Еще более мрачное впечатление оставляют два последних письма Ван дер Вера Толстому. Он и его жена покинули общину, пишет он в декабре 1899 года, и теперь собираются открыть вегетарианский пансион. Также он подумывает о том, чтобы заняться издательским бизнесом, и спрашивает, сможет ли Толстой предоставить ему новые сочинения. В феврале 1900 года Ван дер Вер уже прямо просит прислать ему 20–25 фунтов стерлингов. Все его попытки найти работу оказались тщетными, объясняет он, и надежд на улучшение ситуации мало. Вторая англо-бурская война в Южной

Африке (1899–1902) вызвала в Англии сильные антиголландские настроения, и в результате Ван дер Вер оказался почти нищим.

Нищета Ван дер Вера также повлияла на его отношения с единомышленниками в Нидерландах. Передав редакцию “Вреде” Луи Бейлеру в начале 1898 года, Ван дер Вер более года оставался одним из главных авторов журнала. У него была собственная колонка “Письма из Англии”, в которой он сообщал о своих впечатлениях о жизни общины Перли и в декабре 1899 года написал весьма благосклонную рецензию на последний роман Толстого “Воскресение” (хотя в тот момент уже настаивал на том, чтобы его не называли толстовцем). Но материальная нужда, которую он испытал сразу после ухода из общины, должно быть, напомнила ему о пропасти, разделявшей его, нищего по рождению, и “ученых людей”, добровольно отказавшихся от богатства.

Последняя его колонка представляла собой прямую атаку на собратьев-толстовцев в Нидерландах, продолжавших исповедовать моральную строгость, которой не могли соответствовать даже самые добродетельные люди:

Мы думаем, что в жизни есть что-то более фундаментальное, чем вопрос о хлебе насущном, но, предположим, мы почувствовали “Острое жало голода и / Агонию горя ежедневного страха / Для завтрашнего пропитания” (цитата из пьесы голландского писателя Эдуарда Доувеса Деккера, писавшего под псевдонимом Мультигули). Будем ли мы по-прежнему думать, как прежде?

Хотя, писал Ван дер Вер, тяжелая работа и помешала ему поступить в университет, он обладает достаточной “мудростью непрофессионала”, чтобы понять, что ответ на этот вопрос отрицательный.

Лишь через год, при едва ли более благоприятных обстоятельствах, Ван дер Вер опубликовал статью под названием “Толстовский аскетизм”, в которой прямо отрешивается от толстовства и характеризует свои недавние убеждения как “болезнь”. По сравнению с последней публикацией во “Вреде” тон этой статьи (опубликованной в социалистическом журнале) еще более саркастичен, хотя он по-прежнему называет Толстого — без иронии — своим другом. Примечательно, что критика Ван дер Вера касалась не столько вопросов братской любви и непротивления насилию, сколько культа аскетизма. Именно этот культ он считал самым вредным

и извращенным элементом толстовства, выдвигая в качестве доказательства собственный опыт в Перли. Пока община получала пожертвования от состоятельных сторонников, все вроде бы шло хорошо, но когда деньги иссякли и толстовцам пришлось зарабатывать на жизнь, дух согласия и братской любви испарился. Проповедуя аскетизм, толстовцы не поняли, что нужда не стимулирует духовный рост, а мешает ему. Простые рабочие, писал Ван дер Вер, напротив, это прекрасно сознают: “Именно бедность, пожизненные лишения сковывают их морально и духовно. Что толстовцы этого не знают, так это потому, что настоящей бедности они никогда не испытывали. Они только *играют в нищету*”.

Из этих строк понятно, почему в 1900 году Ван дер Вер прикнюк к Социал-демократической рабочей партии Нидерландов. Будущее его было, однако, связано с Англией. Если не считать внезапного посещения редакции “Вреде” в 1902 или 1903 году с целью собрать крупную сумму денег, которую якобы задолжали ему бывшие друзья, Ван дер Вер больше никогда не появлялся в Нидерландах. После трудного начала он сделал пристойную карьеру английского корреспондента нескольких голландских газет. Как далеко Ван дер Вер отошел от Толстого и толстовцев, ясно из того, что во время Первой мировой войны он служил на государственной британской службе и вел пропагандистскую кампанию в поддержку Антанты, а после войны стал председателем Ассоциации иностранной прессы. Умер Ван дер Вер гражданином Великобритании в 1928 году.

В свой, в целом недолгий, период увлечения Толстым, Ван дер Вер напряженно вчитывался в толстовскую антиинтеллектуальную проповедь нравственного самосовершенствования, питая при этом иллюзию, что скромное происхождение выгодно выделяет его на фоне профессоров и “ученых” людей. Но в конце концов именно это и привело его к отказу от толстовства как от обманчивой доктрины, которая, в отличие от социалистических идей, не учитывает насущных материальных потребностей человека.

По запросу (o.f.boele@hum.leidenuniv.nl) автор готов поделиться источниками и оригинальными цитатами.

Август 2023 г.

Об авторах

ЛЕВОН АКОПЯН родился в 1953 г. в Ереване. Окончил Ереванский университет и Ереванскую консерваторию им. Комитаса. С 1993 г. живет в Москве. Доктор искусствоведения. Важнейшие публикации: “Анализ глубинной структуры музыкального текста” (М., 1995), русская версия британского “Энциклопедического словаря музыки и музыкантов” (М., 2001 и 2007), “Моцарт: путеводитель” (М., 2006), “Музыка XX века. Энциклопедический словарь” (М., 2010), “Шаракан. Каноны и гимны Армянской Церкви”, перевод с древнеармянского на русский (Ереван, 2017), “Феномен Дмитрия Шостаковича” (СПб, 2018), “Великие аутсайдеры музыки XX века” (М., 2019), “Мои музыкальные миры”, собрание статей (СПб, 2022), “Music of the Soviet Era, 1917–1991” (London, New York, 2017).

ОТТО БУЛЕ — **славист**, старший научный сотрудник университета Лейдена (Нидерланды). Преподает русскую литературу, советское и постсоветское кино. Автор двух монографий: *The North in Russian Romantic Literature* (1996) и *Erotic Nihilism in Turn-of-the-Century Russia. The Case of Mikhail Artsybashev’s “Sanin”* (2009). Печатался в журналах “НЛО”, “Октябрь”, “Волга”, “Russian Literature”, “The Soviet and Post-Soviet Review” и др. Перевел на голландский язык роман Владимира Жаботинского “Пятеро”, повесть Валерия Золотухи “Последний коммунист”, письма Сергея Дягилева, рассказы Леонида Андреева. Сотрудник и редактор платформы Kinokultura.com.

СЕРГЕЙ ГАНДЛЕВСКИЙ родился в 1952 г. в Москве. В 1977 г. окончил филологический факультет МГУ. До конца 1980-х стихи Гандлевского выходили в эмигрантских изданиях: “Континенте”, “Русской мысли” и др. При советской власти зарабатывал физическим трудом. С конца

1980-х работает редактором в журнале “Иностранная литература”. Вел цикл литературных передач на радио, мастер-классы по поэзии. Автор 22 книг стихов и прозы. Лауреат нескольких литературных премий, включая “Малую Букеровскую” (1995), “Киевские лавры” (2009), “Московский счет” (2009) и Российскую национальную премию “Поэт” (2010). Стихи и проза Гандлевского переведены на 20 языков. Участник поэтических фестивалей и выступлений в Австрии, Англии, Германии, США, Нидерландах, Польше, Швеции, Украине, Литве, Японии. С мая 2022 г. живет в Грузии.

ЭРГАЛИ ГЕР — писатель, переводчик, журналист. Лауреат премии “Серебряный лучник” (национальная премия в области развития общественных связей), двукратный лауреат премии журнала “Знамя”. Живет в Москве.

МАРИНА ГЕРШЕНОВИЧ — поэт и переводчик. Родилась в Новосибирске, живет в Дюссельдорфе. По образованию педагог. Автор нескольких поэтических книг и двух переводных работ. Книга “В поисках ангела” переведена на немецкий язык (издательство LLV). Лауреат первой премии в номинации “Поэзия зарубежья”. Член содружества литераторов Германии.

АНДРЕЙ ГОЛЫШЕВ родился в 1996 г. в Москве. С 2014 г. учился в киношколе “EICAR” в Париже, писал сценарии и снимал короткометражные фильмы. В 2021 г. опубликовал перевод рассказа Теннесси Уильямса “Десятиминутная остановка” (“Иностранная Литература”, № 2, 2021). С 2023 г. пишет о боксе для сайта Sports.ru. Прозу публикует впервые.

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ — украинский поэт, общественный деятель, пишущий на русском и украинском языках, живет и работает в Киеве. Автор 17 книг стихотворений и многочисленных публикаций в международной журнальной и газетной периодике. Стихи Кабанова переведены на основные европейские языки, а также на нидерландский, сербский, польский, финский, белорусский, грузинский, иврит. В 2022 г. стал лауреатом премии Фестиваля Гражданской поэзии в Италии (г. Верчелли), который проходит под эгидой ЮНЕСКО, в номинации “За личные выдающиеся заслуги в современной поэзии”. В 2022 и 2023 гг. вышли книги стихотворений Кабанова в переводах на итальянский и

английский. Соучредитель и главный редактор легендарного журнала о современной культуре “ШО”, который выходил в Украине с сентября 2005 г. по февраль 2022 г. на украинском и русском и был закрыт из-за путинской агрессии.

ТАЯ НАЙДЕНКО — поэт и прозаик, родилась в 1982 г., живет в Одессе. Работает журналистом в городской газете “Одесская жизнь”, а до того — паспортистом в ЖЭКе, кадровиком на МТС, судмедрегистратором в городском морге. Публиковалась в журналах “ШО”, “Радуга”, “Артикль”, “Дерибасовская/Ришельевская” и др. Автор печатного поэтического сборника “Всё дано/Всё дно” (2019) и нескольких сетевых сборников поэзии.

ГРИГОРИЙ ПЕТУХОВ родился в 1974 г. в Свердловске. Окончил Литературный институт им. Горького. Работал тележурналистом и переводчиком. Публиковался в журналах “Октябрь”, “Знамя”, “Новый мир”, антологии “Девять измерений”. Первая книга стихов вышла в 2012 г. и была удостоена премии “Московский счет”. В настоящее время живет в Берлине.

ЛЕВ РУБИНШТЕЙН — поэт, эссеист. Родился в 1947 г. в Москве. Закончил филологическое отделение Педагогического института. Литературой занимается с конца 1960-х. С середины 1970-х разрабатывает собственный жанр, возникший на границе искусств — словесного, образительного и перформативного — жанр “картотеки”. В разные годы — участник многих поэтических и музыкальных фестивалей, художественных выставок и акций. Первые публикации (по-русски и в переводах) появились на Западе в конце 1970-х, а в России — в конце 1980-х. Автор книг “Регулярное письмо” (1996, 2012), “Случаи из языка” (1998), “Домашнее музицирование” (2000), “Погоня за шляпой”, “Духи времени”, “Словарный запас”, “Знаки внимания”, “Скорее всего”, “Большая картотека”, “Причинное время”, “Целый год”, “Что слышно”, “Мама мыла раму”. Поэтические сборники и сборники эссе выходили в Германии, во Франции, в Швеции, в США, в Польше, в Нидерландах, в Эстонии. Автор статей и колонок в изданиях “Итоги”, “Еженедельный журнал”, “Большой город”, “Эсквайр”, gpani.ru, “Story” и др. Лауреат премии им. Андрея Белого и премии “Нос”.

ДАНА СИДЕРОС родилась в 1985 г. в Казани. Поэт, драматург, иллюстратор, концепт-художник. Автор книг стихов “Шутки кончились” и

“Ученик дурака”. Стихи публиковались в журналах “Конец эпохи”, “Новый Берег”, “Гвидеон”, “ШО”, “Контрабанда”, “Дальний восток”. Лауреат поэтической премии Пермского фестиваля SlovoNova. Пьесы “Стена живых”, “Всем, кого касается”, “Черный апельсин”, “ЗАТО” поставлены во многих городах России и за рубежом. С 2022 г. живет в Португалии.

ЮРИЙ СМИРНОВ родился в 1973 г. в Кировограде (СССР), живет там же — в Кропивницком (Украина). Учился в Харьковском государственном университете (биология) и Кировоградском государственном педагогическом университете (русская филология). По профессии — кино-сценарист. Автор книг стихов “Вселенная Неформат” и “Астра”.

АЛЕКСАНДР СТЕСИН родился в Москве в 1978 г. С 1990 г. живет в США. Окончил литературный факультет (отделение поэтики) университета Баффало, курсы по французской литературе в Сорбонне, институт и аспирантуру Корнельского университета (кандидат медицинских наук). Автор десяти книг (включая три стихотворных сборника). Стихи, проза, эссе и переводы публиковались в российской и зарубежной периодике, переводились на английский, французский, итальянский языки. Дипломант премии “Московский счет” (2011), лауреат премий “Тамиздат” (2007), “Заблудившийся трамвай” им. Гумилева (2007), “Русская премия” (2014), “Белла” (2014), “НОС” (2019), “Иллюминатор” (2022). Живет в Нью-Йорке, работает врачом-онкологом.

АЛЕКСАНДР ФРАНЦЕВ родился в 1981 г. в поселке под Архангельском. Жил в Петербурге, Республике Коми, Архангельской области. Работал вахтовым методом, кочегаром в котельной, сторожем, грузчиком, разнорабочим на стройке. Публиковался в журналах “Новый мир”, “Интерпоэзия”, “Звезда”, “Сибирские огни”, “Плавающий мост” и др. Живет в Архангельске.